

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА
РОССИИ В НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И ГРЕЦИИ**

**LINGUISTIC COMPONENTS OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF
RUSSIA IN THE NEWS MEDIA DISCOURSE OF THE UK AND GREECE**

УДК 81+81.2

СЕРДЮК Людмила Владиславовна

SERDYUK Lyudmila Vladislavovna

Аннотация. В статье анализируется новостной медиадискурс, предлагается модель для его исследования, и рассматриваются лингвистические маркеры, используемые средствами массовой информации

Великобритании и Греции для освещения событий, происходящих в России, и, следовательно, создания ее медийного образа.

Ключевые слова: *дискурс, медиадискурс, новостной медиадискурс, медиалингвистика, СМИ Греции, СМИ Великобритании, образ России.*

Abstract. *The article analyzes the news media discourse, proposes a model for its research and discusses the linguistic markers used by the media in the UK and Greece to highlight events happening in Russia, and therefore create its media image.*

Keywords: *discourse, media discourse, news media discourse, media linguistics, Greek media, British media, the image of Russia.*

В последние десятилетия дискурс становится объектом исследования многих наук (лингвистики, теории коммуникации и др.) и получает статус междисциплинарного понятия, точное содержание которого, однако, до настоящего времени не определено.

Впервые понятие «дискурс» было использовано для обозначения многофункциональности характеристик события реальной действительности, используемого в теории коммуникации Тёном ван Дейком. В трактовке Т. Ван Дейка дискурс означает «сложное единство языковой формы, знания и действия», событие, которое выходит за рамки высказывания и требует анализа всей совокупности экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации, включая отправителя сообщения, адресанта, различные виды контекста, особенности адресата, распространения и восприятия информации, культурно-идеологический фон, а также мнения говорящих, их установок, этнического статуса и т.п. [3, С. 121].

Однако трактовка дискурса, разработанная в теории коммуникации, не была принята исследователями, использующими понятие «дискурс» в лингвистике для обозначения различных явлений. Так, В.И. Карасиком

дискурс понимается как «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе «прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический» [7, С. 5-20].

Н.Д. Арутюновой дискурс рассматривается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», и в то же время как «речь, погруженную в жизнь». «Дискурс – это явление, исследуемое в режиме текущего времени, то есть по мере его появления и развития, и при его анализе необходимо учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы. Поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [2, С. 136-137].

Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой дискурс приравнивается к когнитивному процессу, связанному с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст соотносится с конечным результатом этого процесса, то есть его определенной законченной (и зафиксированной) формой [10, С. 186-197].

В.И. Карасиком отмечается тенденция, характерная для наук гуманитарного профиля, согласно которой дискурс становится объектом междисциплинарного исследования [8]. Карасик выдвигает предположение о наличии шести оснований, обусловивших изучение этого понятия с позиции различных отраслей знания:

- 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;
- 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга;

3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;

6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста.

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны [8, С. 39].

Увеличение количества лингвистических исследований дискурса привело к введению в научный оборот понятия «дискурсивная практика», под которой понимается выбор по определенным правилам тех или иных языковых средств для выражения определенного смысла, характерного для данного экстралингвистического контекста. Дискурсивная практика трактуется как основание дискурса, и ей приписывается функция определения последовательности и соответствия преобразования смысла (семантического представления) в единицу языковой системы. С позиции К.С. Степанова, дискурс представляет собой «язык в языке» и поэтому он описывается как всякий язык, имеющий свои тексты, а именно особенности, свойственные именно данному дискурсу. «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, - в конечном счете - особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет» [11, С. 44-45]. Приведенные характеристики свидетельствуют о функциональном значении понятия «дискурс» в лингвистике, которое состоит в интеграции традиционных

предметов исследования, таких как «текст», «стиль», «жанр», «стилистические особенности языковых средств» и др. в единую, но до настоящего времени не упорядоченную совокупность как компонента теорий коммуникации.

В настоящее время разработаны два основных подхода к трактовке понятия «медиадискурс». Согласно первому, медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа. С позиции такого подхода основанием для классификации дискурсов является разграничение сфер социальной деятельности, позволяющее наряду с медиадискурсом выделить другие самостоятельные типы дискурса, как, например, научный, юридический, политический, религиозный и т.д. Различия между ними определяются модификациями таких параметров как языковые средства, коммуникативные ситуации при наличии общего тематического поля. С позиции второго подхода, медиадискурс рассматривается как любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации и представленный СМИ, и соответственно вычленяются политический, рекламный, религиозный, юридический и другие типы медиадискурсов, реализующиеся относительно устойчивым набором стратегий, способа трансляции и интерпретации массовой информации. Последняя из перечисленных характеристик составляет предмет лингвистического исследования.

В современном информационном пространстве новостной медиадискурс оказывает самое сильное воздействие на общественное сознание. Наряду с основной функцией – информационной – новостной медиадискурс реализует также функцию манипулятивного воздействия, посредством которой изменяется картина мира и осуществляется трансформация общественного сознания [4]. Наиболее эффективным типом манипулятивного воздействия считается новостной текст, анализ которого с позиции подхода «информационной модели», разработанного в медиалингвистике, позволяет рассмотреть не только процесс преобразования

события реальной действительности в событие медийное, но и выявить особенности влияния медиасреды на формирование картины мира как компонента общественного сознания.

Информационная модель, описанная Т.Г. Добросклонской [5] и разработанная в американской лингвистике, состоит из пяти компонентов: отбора фактов, освещения событий, создания образов, формирования стереотипов и культурно-идеологического контекста, которые оказывают взаимное влияние. «Каждое из звеньев информационной модели играет важную роль при реализации идеологической, или интерпретационной, функции СМИ, что имеет особое методологическое значение с точки зрения критического осмысления содержания, заполняющего массмедийное пространство» [6, С. 18].

Однако, в предлагаемой модели отсутствует системообразующий компонент, в качестве которого выступает интенция, которая трактуется как замысел, коммуникативное намерение, которое выражается в тексте и прежде всего в отборе лексических средств.

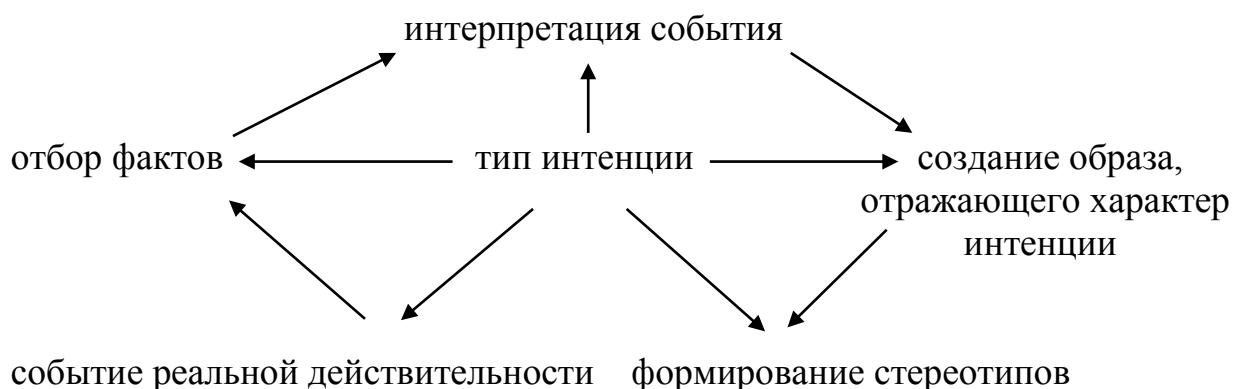
В отличие от интенции или коммуникативного намерения, традиционно являющейся предметом лингвистических исследований, понятие «интенции» в дискурсе и, в частности, новостном медиадискурсе, выражает коммуникативное намерение коллективного субъекта, то есть социальной группы, отражающей и контролирующей воздействия СМИ на общественное сознание. И с этой позиции анализ интенции позволяет выявить лингвистические средства, используемые для трансформации конкретного явления, понятия реальной действительности, образ которого целенаправленно формируется в общественном сознании.

Как отмечается Т.З. Адамьянц, медиатекст может выражать следующие типы интенции:

- информационную (намерение сообщать и распространять знания о действительности);

- воздействующую (намерение влиять на общественное мнение, поведение и эмоции людей);
- просветительскую (намерение просвещать и распространять культуру, идеи добра, общечеловеческие ценности);
- интенцию фасилитации (намерение оказать помощь, поддержку в решении сложных жизненных ситуаций);
- развлекательную;
- интенцию привлечения аудитории и борьбы с конкурентами [1].

Представленная классификация может быть дополнена интенцией манипуляции, характерной для СМИ и в особенности новостного дискурса, в котором она оказывает влияние на все элементы информационного анализа новостного дискурса, начиная от лингвомедийного конструирования события до социокультурного и политико-идеологического контекста. Модель медиалингвистического анализа новостей может быть представлена следующей схемой:

Разработанная схема составляет алгоритм анализа влияния медиадискурса, характер которого обусловлен типом интенции. Рассмотрим формирование образа понятия реальной действительности в новостном медиадискурсе, интенцию которого составляет манипуляция общественным сознанием, поскольку манипулятивная функция наряду с информационной являются основными целями СМИ.

Предмет лингвистического анализа составляет новостной медиадискурс Великобритании и Греции, в котором посредством реализации манипулятивной интенции формируется в общественном сознании образ России.

Новостной медиадискурс создается на основе реального события: 25 ноября три судна Военно-морских сил Украины нарушили порядок прохождения через территориальные воды РФ при следовании из Черного в Азовское море. Для их принудительной остановки в Керченском проливе было применено оружие, трое военнослужащих ВМС Украины получили легкие ранения, им была оказана медицинская помощь. Корабли были задержаны и доставлены в Керчь, по факту нарушения государственной границы РФ возбуждено уголовное дело.

Событие реальной действительности отражается в следующей взаимосвязи компонентов:

1. 3 судна ВМС Украины следовали из Черного в Азовское море
→ действие ВМС Украины № 1 →
2. Они нарушили морские границы с РФ
→ действие № 2 ВМС Украины → следствие → ответное действие РФ № 1 →
3. Судна были принудительно остановлены Россией в Керченском проливе → ответное действие РФ № 2 →
4. РФ применила оружие → результат действий РФ →
5. 3 военнослужащих ВМС Украины получили легкие ранения, им оказана медицинская помощь → результат действий РФ →
6. Корабли ВМС Украины задержаны → смысловая избыточность, повтор действия РФ № 2
7. По факту нарушения государственной границы РФ возбуждено уголовное дело → следствие действия РФ № 3

Представленная ситуация получает в медиадискурсе Великобритании следующее освещение.

1. Three Ukrainian navy ships made what the Russian Coast Guard called an unauthorized crossing through Russian territorial waters – *три украинских военных корабля совершили действие, которое российская береговая охрана назвала несанкционированным переходом через российские территориальные воды.*

Three Ukrainian vessels tried to pass from the Black Sea into the Sea of Azov – *три украинских судна пытались пройти из Черного моря в Азовское море.*

A Ukrainian navy tugboat was travelling with two Ukrainian navy artillery boats from Odessa on the Black Sea to Mariupol in the Sea of Azov – *украинский военно-морской буксир путешествовал с двумя украинскими военно-морскими артиллерийскими катерами из Одессы на Черном море в Мариуполь на Азовском море.*

Three Ukrainian navy vessels sailed through disputed waters around Crimea – *три украинских военных корабля проплыли через спорные воды вокруг Крыма.*

Russian ships rammed a tugboat and opened fire on two gunboats that were trying to reach the Ukrainian port of Mariupol through the Kerch Strait on Sunday – *Российские корабли протаранили буксир и открыли огонь по двум канонерским лодкам, которые пытались выйти в украинский порт Мариуполь через Керченский пролив в воскресенье.*

Two modern gunboats, the Nikol and the Berdyansk, and a tug boat, the Yana Kapu attempted to sail through the Strait of Kerch – *Две современные канонерские лодки «Николь» и «Бердянск» и буксирная лодка «Яна Капу» попытались проплыть через Керченский пролив.*

2. Ships had done nothing wrong and have every right to use the strait – *корабли не сделали ничего противозаконного и имеют полное право использовать пролив.*

3. One of its ships being rammed by a Russian vessel – *один из кораблей был протаранен российским судном.*

Russia seizes Ukrainian naval ships *Россия – Россия захватывает украинские военные корабли.*

Russian Special Forces storm three Ukrainian Navy ships sailing through disputed waters off Crimea – *Российский спецназ штурмует три корабля ВМС Украины, плавающих в спорных водах у Крыма.*

Were rammed, fired on, and ultimately boarded by Russian Special Forces – *были протаранены, обстреляны и, в конечном счете, захвачены российским спецназом.*

The vessels were en route from Odessa to Mariupol, a Ukrainian industrial and military port on the Azov Sea. Russia temporarily blocked the passage under the Kerch Bridge, which links Russia and Crimea, to prevent their passage – *суда направлялись из Одессы в Мариуполь, украинский промышленный и военный порт на Азовском море. Россия временно заблокировала проход под Керченским мостом, который связывает Россию и Крым, чтобы предотвратить их проход.*

Two of its gunboats were struck and Russian crews boarded and seized them and an accompanying tugboat – *две из его канонерских лодок были подбиты, и российские экипажи захватили их и сопровождающий их буксир.*

Russia has stopped three Ukrainian navy vessels from entering the Sea of Azov via the Kerch Strait by placing a huge cargo ship beneath a Russian-controlled bridge – *Россия помешала трем судам украинского флота войти в Азовское море через Керченский пролив, разместив огромный грузовой корабль под контролируемым Россией мостом.*

A Russian Coast Guard vessel rammed a Ukrainian navy tugboat under the orders 'squash him' – *российское судно береговой охраны протаранило украинский военно-морской буксир под приказом «раздавить его».*

4. Russia fired – *Россия обстреляла.*

Russian FSB border guards damaged two armoured artillery boats – *пограничники ФСБ России повредили два бронированных артиллерийских катера.*

All three of its vessels were immobilised and stormed by Russian Special Forces – *Российский спецназ остановил и штурмовал все три судна.*

A Russian border guard ship, the Don, rammed and damaged a tug boat – *российский пограничный корабль «Дон» протаранил и повредил буксирное судно.*

A Russian jet had also fired rockets during the incident, seriously injuring one officer. Special Forces later boarded the vessels – *русский самолет также выпустил ракеты во время инцидента, серьезно ранив одного офицера. Спецназ позже поднялся на борт судов.*

Russia's Coast Guard opened fire on and seized three of Ukraine's vessels – *береговая охрана России открыла огонь и захватила три украинских судна.*

Used weapons to force them to stop – *использовал оружие, чтобы заставить их остановиться.*

A Russian Coast Guard ship damaged the tugboat's engine, hull, side railing and a lifeboat – *Российский корабль береговой охраны повредил двигатель буксира, корпус, перила и спасательную шлюпку.*

The same Russian ship later opened fire on and seized three of Ukraine's vessels, injuring at least six crew members – *Тот же российский корабль позже открыл огонь и захватил три украинских судна, ранив по меньшей мере шесть членов экипажа.*

5. Six Ukrainians were reported to be injured, one of them critically – *по сообщениям, шесть украинцев получили ранения, один из них находится в критическом состоянии.*

Wounding two crew members – *ранив двух членов экипажа.*

Wounding several sailors – *ранив нескольких моряков.*

One Ukrainian marine is reported to have lost his fingers in the incident. Another suffered a serious hip wound and had serious blood loss –

сообщается, что один украинский морской пехотинец потерял пальцы в результате инцидента. Другой получил серьезную рану бедра и потерял много крови.

Six seamen were wounded when the Russian Coast Guard opened fire – *шесть моряков были ранены, когда российская береговая охрана открыла огонь.*

6. Seized three Ukrainian vessels – *захватили три украинских судна.*

The FSB confirmed early Monday that it fired on the vessels to force them to stop, and then seized them – *в понедельник ФСБ подтвердила, что обстреляла суда, чтобы заставить их остановиться, а затем захватила их.*

Russia seized three Ukrainian naval ships off the coast of Russia-annexed Crimea – *Россия захватила три украинских военных корабля у побережья аннексированного Россией Крыма.*

7. Moscow has defied Western calls to release the men, who have been accused of violating Russia's borders and face up to six years in prison. At least three of the men are in hospital – *Москва отвергла призывы Запада освободить людей, которых обвиняют в нарушении границ России и которым грозит до шести лет тюрьмы. По крайней мере трое мужчин находятся в больнице.*

Russia - widely condemned by the West - was accused today of staging confessions by the sailors – *Россию - широко осуждаемую Западом - обвинили сегодня в организации признаний моряками.*

A Crimean court ordered three of the captured men to be held in custody for the next two months on accusations of crossing into Russian territory illegally. Several others of the 24 Ukrainian sailors held by Russia were expected to appear before the court later on Tuesday – *Крымский суд постановил, что трое из захваченных мужчин будут содержаться под стражей в течение следующих двух месяцев по обвинению в незаконном проникновении на территорию России. Ожидается, что несколько других из*

24 украи́нских моряков, удерживаемых Россией, предстанут перед судом во вторник.

Приведенные примеры свидетельствуют об использовании способа конкретизации и избыточной информации с коннотативным значением «агрессии» для описания третьего, четвертого и пятого компонентов ситуации, тогда как смысловая связь событий, создающая образ второго компонента, то есть факта нарушения границы Российской Федерации либо полностью опущена, либо передается как неточная информация, отражающая не факт реальной действительности, а интерпретацию факта с позиции России («действие, которое российская береговая охрана назвала несанкционированным переходом через российские территориальные воды»).

В медиадискурсе Греции эта ситуация получает следующее отражение.

1. εισήλθαν παράνομα στα ρωσικά χωρικά ύδατα κι έκαναν επικίνδυνους ελιγμούς – *незаконно проникли в российские территориальные воды и совершили опасные маневры.*

τα πλοία αυτά εισήλθαν στα ρωσικά χωρικά ύδατα – *эти корабли вошли в российские территориальные воды.*

τα πολεμικά πλοία της Ουκρανίας διέσχισαν τα θαλάσσια σύνορα της Ρωσίας, εισήλθαν σε περιοχή που ήταν προσωρινά κλειστή, εντός των ρωσικών υδάτων, και κατευθύνονταν από τη Μαύρη Θάλασσα προς το στενό του Керτς – *украинские военные корабли пересекли российскую границу, вошли во временно закрытую область российских территориальных вод и направились из Черного моря в Керченский пролив.*

τα πλοία επιχείρησαν να εισέλθουν στο στενό του Кертς που χωρίζει την Κριμαία, η οποία προσαρτήθηκε το 2014 από τη Μόσχα, από τη Ρωσία και επιτρέπει την πρόσβαση στην Αζοφική θάλασσα – *корабли попытались войти в Керченский пролив, который отделяет аннексированный Россией в 2014 году Крым, и является проходом к Азовскому морю.*

2. Η Ομοσπονδιακή Υπηρεσία Ασφαλείας (FSB) ανέφερε ότι έδρασε διότι τα ουκρανικά πλοία εισήλθαν παράνομα στα ρωσικά χωρικά ύδατα,

αψήφησαν τις προειδοποιήσεις να σταματήσουν και έκαναν επικίνδυνους ελιγμούς – *Федеральная служба безопасности (ФСБ) заявила, что ее действия вызваны тем, что украинские корабли незаконно проникли в российские территориальные воды, игнорировали предупреждения об остановке и совершали опасные маневры.*

Μόλις τα πλοία προσέγγισαν τα σύνορα, ενημερώθηκαν για τη διαδικασία που καλούνται να ακολουθήσουν προκειμένου να περάσουν τα ρωσικά σύνορα, αλλά και για τους κανόνες πλοήγησης στο κανάλι του Κερτς. – *Как только корабли подошли к границе, их проинформировали о порядке, которому они должны были следовать, чтобы пересечь российскую границу, а также о правилах плавания по Керченскому каналу.*

τα ουκρανικά πλοία δεν είχαν υποβάλλει αίτημα διέλευσης από το στενό του Κερτς – *украинские корабли не подавали запрос на проход по Керченскому проливу.*

τρία ουκρανικά πλοία εισέβαλαν στα ρωσικά χωρικά ύδατα – *три украинских корабля вторглись в российские территориальные воды.*

τα ουκρανικά πολεμικά πλοία αγνόησαν προειδοποιητικές βολές, εξωθώντας τα ρωσικά πλοία να ανοίξουν πυρ με πραγματικά πυρά, μετά αφότου εισήλθαν παράνομα σε ρωσικά χωρικά ύδατα – *украинские военные корабли незаконно вошли в российские территориальные воды, проигнорировали предупредительные выстрелы, вынудив тем самым российские корабли открыть огонь на поражение.*

3. ρωσικές δυνάμεις κατέλαβαν τρία ουκρανικά πολεμικά πλοία στη Μαύρη Θάλασσα, κοντά στην Κριμαία, κάνοντας χρήση όπλων για να τα αναγκάσουν να σταματήσουν – *Российские войска захватили три украинских военных корабля в Черном море, недалеко от Крыма, используя оружие, чтобы заставить их остановиться.*

τα τρία πλοία του ουκρανικού Ναυτικού εισήλθαν στα ρωσικά χωρικά ύδατα, στο στενό του Κερτς, αγνοώντας προειδοποιήσεις να σταματήσουν, με αποτέλεσμα το ρωσικό Ναυτικό να πραγματοποιήσει κατάληψη στα πλοία –

три корабля ВМС Украины вошли в российские территориальные воды в Керченском проливе, игнорируя предупреждения об остановке, в результате чего российский военно-морской флот захватил корабли.

Ρωσικές δυνάμεις της ακτοφυλακής κατάσχεσαν τρία ουκρανικά πλοία – *Российские силы береговой охраны захватили три украинских корабля.*

4. Τα πλοία δεν δείχνουν να έχουν υποστεί ζημιές και σε αυτά μπορεί κανείς να δει ανθρώπους με ναυτικές στολές – *Корабли не имеют видимых повреждений, и на их палубах можно наблюдать людей в военно-морской форме.*

κάνοντας χρήση όπλων για να τα αναγκάσουν να σταματήσουν – *используя оружие, чтобы заставить их остановиться.*

Για να αναγκαστούν να σταματήσουν τα ουκρανικά πολεμικά, χρησιμοποιήθηκαν όπλα – *использовали оружие, чтобы вынудить военные корабли остановиться.*

Τα ρωσικά πλοία άνοιξαν πυρ εναντίον των τριών πλοίων της Ουκρανίας στον Πορθμό Κερτς – *Российские корабли открыли огонь по трем украинским судам в Керченском проливе.*

Τα ουκρανικά πλοία ήταν εκείνα που πρώτα στόχευσαν τα όπλα τους ενάντια σε ρωσικά πλοία στον Πορθμό Κερτς κοντά στη χερσόνησο της Κριμαίας – *Украинские корабли были первыми, кто нацелил свое оружие на русские корабли в Керченском проливе недалеко от Крымского полуострова.*

5. Τρεις ναύτες τραυματίστηκαν, σύμφωνα με τη ρωσική κυβέρνηση, έξι κατά το Κίεβο – *по данным российского правительства трое моряков получили ранения, по информации Киева – шесть.*

τρεις ουκρανοί ναύτες τραυματίστηκαν και τους προσφέρθηκε ιατρική βοήθεια. Οι ζωές τους δεν διατρέχουν κίνδυνο – *трое украинских моряков получили ранения, им предложили медицинскую помощь. Их жизнь вне опасности.*

Οι Ρώσοι έχουν συλλάβει 24 ουκρανούς ναύτες που βρίσκονταν πάνω στα πλοία – *Русские захватили 24 украинских моряка, которые находились на борту кораблей.*

η Ρωσία έχει συλλάβει τους 24 ουκρανούς ναύτες που βρίσκονταν πάνω στα πλοία του ουκρανικού Πολεμικού Ναυτικού στον Πορθμό Κερτς – *Россия захватила 24 украинских моряка, которые находились на кораблях ВМС Украины в Керченском проливе.*

τρεις από τους ναύτες τραυματίστηκαν κατά το συμβάν και αναρρώνουν στο νοσοκομείο, αλλά η κατάστασή τους δεν είναι κρίσιμη – *трое моряков были ранены во время инцидента и находятся в больнице, но их состояние не является критическим.*

Κατά τη διάρκεια της επίθεσης τραυματίστηκαν τουλάχιστον τρεις Ουκρανοί ναυτικοί – *во время интурма не менее трех украинских моряков получили ранения.*

6. Η Ρωσία συνέλαβε δύο μικρά πολεμικά πλοία και ένα ρυμουλκό του ουκρανικού Πολεμικού Ναυτικού, τα οποία εισήλθαν, σύμφωνα με την Μόσχα, παράνομα στα ρωσικά χωρικά ύδατα – *Россия арестовала два небольших военных корабля и буксир ВМФ Украины, которые, по мнению Москвы, незаконно проникли в российские территориальные воды.*

Ως αποτέλεσμα, και τα τρία πλοία του ουκρανικού ΠΝ κατελήφθησαν στα ρωσικά χωρικά ύδατα στη Μαύρη Θάλασσα – *В результате все три корабля ВМС Украины были захвачены в российских территориальных водах на Черном море.*

Ρωσία κατέλαβε τρία πλοία του ουκρανικού Πολεμικού Ναυτικού – δύο κανονιοφόρους και ένα ρυμουλκό στα οποία επέβαιναν συνολικά περίπου 20 ναύτες – αφού πρώτα άνοιξε πυρ εναντίον τους – *Россия захватила три корабля ВМС Украины - два канонерных судна и буксир с общим количеством около 20 моряков - предварительно открыв по ним огонь.*

Η Ρωσία κατέλαβε τρία ουκρανικά σκάφη και συνέλαβε τα πληρώματά τους – *Россия захватила три украинских судна и их экипажи.*

7. Η Ρωσία συνέλαβε 24 Ουκρανούς ναύτες κατά το περιστατικό στον Πορθμό Κερτς – Россия арестовала 24 украинских моряка во время инцидента в Керченском проливе.

Να κρατηθεί για δύο μήνες ο πρώτος από τους 24 ναύτες που συνελήφθησαν την Κυριακή, αποφάσισε δικαστήριο της Κριμαίας – суд в Крыму принял решение оставить под арестом на два месяца первого из 24 задержанных в воскресенье моряков.

Οι τρεις ναύτες συνελήφθησαν την Κυριακή όταν το ρωσικό ναυτικό μπλόκαρε και κατέλαβε τρία πλοία στις ακτές της Κριμαίας – трое моряков были арестованы в воскресенье, когда российский флот заблокировал и захватил три корабля у берегов Крыма.

Η Ρωσία κατηγορεί το ουκρανικό πλήρωμα για παράνομη είσοδο στα χωρικά της ύδατα – Россия обвиняет украинскую команду в незаконном проникновении в ее территориальные воды.

В медиадискурсе Греции для формирования образа России используются способы информационного описания ситуации, при котором равномерно распределяется смысловое содержание, соотносимое с предметами, составляющими компоненты ситуации. Вторым способом создания образа России является прямое наименование событий, обозначающих факты реальной действительности – «корабли вошли в российские территориальные воды». Для создания образа России - государства, которое в соответствии с международными правовыми нормами останавливает объекты агрессии, в медиадискурсе Греции в случае неподтвержденной информации последняя передается одинаковыми способами предположительной констатации – «по данным российского правительства трое моряков получили ранения, по информации Киева – шесть».

Таким образом, при освещении одного события создаются различные образы России как агрессора в СМИ Великобритании и как государства, защищающего свои границы в СМИ Греции. В медиадискурсе

Великобритании лингвистическими компонентами создания образа являются семантические значения с семой «агрессия», информационная избыточность при описании компонентов ситуации, которые подчеркивают сему «агрессия» и отсутствие детализации при описании компонентов ситуации, которые сообщают о противоправных действиях кораблей ВМС Украины. В медиадискурсе Греции образ России как государства, защищающего свои границы от внешней агрессии, создается посредством нейтральных лексических значений и равномерного количества информации при описании каждого компонента ситуации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: Дрофа. 2009. 204 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Губенко М.С., Демин П.Е. Функции манипуляции общественным сознанием в СМИ в арабских странах разной социально-политической направленности // Вестник адъюнкта. 2019. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-adyunkta.ru> (дата обращения: 10.04.2019).
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., URSS, 2005.
6. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2016 г.: сборник научных работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016.

7. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000 (а). С. 5-20.
8. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса, Сборник обзоров. Сер. «Теория и история языкознания» Центргуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. М., 2000.
9. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. № 2 (март–апрель), 2009.
10. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186-197.
11. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 44-45.
12. Печатные СМИ Греции: Τα Νέα, Το Βήμα, Η Καθημερινή (от 26, 27 и 28 ноября 2018 года).
13. Печатные СМИ Великобритании: The Independent, The Guardian, The Daily Telegraph, The Financial Times (от 26, 27 и 28 ноября 2018 года).

REFERENCES:

1. Adamyants T.Z. Social communications: Textbook for universities. М.: Drofa. 2009. 204 p.
2. Arutyunova N.D. Discourse / N.D. Arutyunova // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. М.: Sov. Encyclopedia, 1990. Pp. 136-137.
3. Van Dyke T. A. Language. Cognition Communication. М., 1989.
4. Gubenko M.S., Demin P.E. Functions of public consciousness manipulation in the media in Arab countries of different social and political orientation // Adjunkt's Bulletin. 2019. №1. [Electronic resource]. URL: <http://vestnik-adyunkta.ru> (Access date: 10.04.2019).
5. Dobrosklonskaya T.G. Issues of studying media texts. М., URSS, 2005.

6. Dobrosklonskaya T.G. News discourse as an object of mediallyinguistic analysis. The discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education: II International Scientific and Practical Conference. Actual problems of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad: II International Scientific Seminar. Belgorod, National Research University "BelSU", October 5-7, 2016: collection of scientific works / ed. E.A. Kozhemyakina, A.V. Polonsky. Belgorod: the publishing house "Belgorod" NRU "BelSU", 2016.
7. Karasik V.I. On the types of discourse / V.I. Karasik // Language personality: institutional and personal discourse: Coll. scientific works. Volgograd: Change, 2000 (a). Pp. 5-20.
8. Karasik V.I. Ethnocultural types of institutional discourse, Survey of reviews. Ser. "Theory and history of linguistics" Center humanity, scientific-inform. research, linguistics; Editorial: Troshina N.N. (ex. ed.) and others. M., 2000.
9. Kibrik A.A. Modus, genre and other parameters of the classification of discourses // Questions of linguistics. № 2 (March – April), 2009.
10. Kubryakova E.S. On the contours of the new paradigm of knowledge in linguistics / E.S. Kubryakova, O.V. Aleksandrova // The structure and semantics of the artistic text: reports VII Intern. conf. M., 1999. Pp. 186-197.
11. Stepanov Yu.S. Alternative world. Discourse. Fact and Principle of Causality // Language and Science of the End of the XX Century. M., 1995. Pp. 44-45.
12. Greek print media: Τα Νέα, Το Βήμα, Η Καθημερινή (from November 26, 27 and 28, 2018).
13. UK print media: The Independent, The Guardian, The Daily Telegraph, The Financial Times (from November 26, 27 and 28, 2018).

Сердюк Людмила Владиславовна

адъюнкт кафедры английского языка (основного)

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

maysky@mail.ru

Serdyuk Lyudmila Vladislavovna

Adjunct at the Department of English Language (main)

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание